

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Под редакцией *О. Рубис*

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация художника *В. Остапенко*

Донцова, Дарья Аркадьевна.

Д67 Рыбка по имени Зайка. Али-Баба и сорок разбойниц / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2020. — 736 с.

ISBN 978-5-04-107571-2

Рыбка по имени Зайка

Ивану Подушкину на время ремонта пришлось перебраться жить к маменьке, что само по себе на сахар, и тут еще им на голову, как болид с неба, свалилась матушкина сестра-близнец из Америки. А кто способен вынести Николетту в двух экземплярах? Но беда не приходит одна! Черт дернул Подушкина остановиться покурить у обочины оживленной трассы. Там его захомутала «ночная бабочка» Римма. А вскоре несчастного Ваню вызвали в милицию по подозрению в убийстве этой самой жрицы любви...

Али-Баба и сорок разбойниц

Как же не повезло Ивану Подушкину, бессменному секретарю хозяйки детективного агентства «Ниро» Элеоноры!.. На дороге он попал в аварию, сбив то ли девушку, а то ли видение. Выбравшись из покореженной машины, Иван так и не нашел тело незнакомки. Но уже на следующий день он понял, что девушка ему не привиделась. Именно ее портрет он узрел в газете, а ниже шла подпись: «В декабре прошлого года ушла из дома и не вернулась...»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107571-2

- Рыбка по имени Зайка

ГЛАВА 1

У меня есть вредные привычки, и я не намерен с ними расставаться. Хотя на проблему можно посмотреть и с другой стороны.

Давайте разберемся, что следует считать пагубными пристрастиями. Употреблять спиртные напитки? Курить сигарету за сигаретой? Волочиться за каждой юбкой? Готов поспорить с вами. Редкий мужчина откажется от рюмки хорошего коньяка, качественной сигареты, красивой женщины. Впрочем, кое-кто предпочитает другой сорт спиртного, не всем по душе то, чем наслаждаюсь я. Многие парни любят водку или вино, но суть дела от этого не меняется. У меня есть приятель, Сеня Рокотов, давно и счастливо женатый на вздорной Анюте. Так вот, весело проведя пару часов с очередной любовницей, Семен, прежде чем заявиться домой, поступает неординарно. Он выискивает какую-нибудь строительную площадку, чем грязней, тем лучше, и самозабвенно топчется на первом этаже возводимого здания, извозюкивая в цементной пыли дорогие ботинки. Потом, даже не подумав почиститься, Рокотов влезает в свой роскошный джип и катит к Анюте. Супруга открывает дверь, в руках у нее нет скалки, но выражение ее лица таково, что большая часть мужиков мигом бы упала на колени.

— Где ты был? — ледяным голосом спрашивает Анюта.

8 — К любовнице ездил, — сообщает чистую правду Сеня.

И тут его ласковую женушку просто сносит с катушек.

— Врун! — вопит она. — Посмотри на свои туфли! Опять сам показывал клиенту квартиру? Ну сколько раз тебе, козлу, говорить: не шляйся по недострою! Для этого есть специально обученные люди. Ты же хозяин огромной строительной корпорации, а не риелтор хренов. Скройся с глаз!

Анюта считает вредной привычкой посещение строек. Вот вам придет в голову такое? То-то и оно!

К чему это я занудничаю? Да просто так, от плохого настроения и нахлынувшей депрессии. А еще оттого, что одна из моих привычек — жить спокойно в своей комнате, зная, что никто без особой необходимости не ввалится ко мне, — теперь грубо нарушена.

Я с детства любил одиночество. Отец рассказывал, как в момент прихода гостей маленький Ванечка старательно отворачивался от милых тетенок, пытавшихся обнять или поцеловать его, и мигом ушмыгивал в детскую. Сколько раз мне доставалось от Николетты за подобное поведение!

— Вава, — злилась маменька, — не будь букой, изволь улыбаться людям и поцелуй Коку.

Один раз я по малолетству попытался сказать родителям правду.

— Не хочу целовать.

— С какой стати? — взвилась Николетта. — Кто спрашивает о твоих желаниях? Изволь делать то, что велят! Живо обними Коку и Маку.

Но я в тот день решил проявить несвойственную мне настойчивость и попытался объяснить.

— От Коки ужасно пахнет сладкими духами, а Мака противно слюнявит мне щеку, просто тошнит от них обеих!

Гнев, павший на голову маленького Вавы, был настолько ужасен, что потом до десяти лет я безропотно выходил вечером в прихожую, шаркал ножкой, кивал головой и с тоскливой улыбкой выслушивал щебетание усыпанных камнями дам.

— Ах, Вава, ты так вырос! Просто невероятно, только посмотри, Николетта! Совсем взрослый мальчик!

Наверное, следовало сказать:

— Что вы так удивляетесь? Ведь приходите сюда два раза в неделю и видите меня постоянно!

Но, повторюсь, до десяти лет я стоически терпел объятия, поцелуи и прикосновения чужих, пахнущих разными, не всегда приятными ароматами рук к своей голове. А еще есть категория людей, которые обожают щипать детей за щеку, приговаривая: «Красавец растет». Не знаю, как другие малыши, а меня корежило от такой «ласки».

Перейдя в четвертый класс, я внезапно понял, каким образом можно избавиться от напасти. Когда Николетта, разряженная в пух и прах, влетала в мою комнату с воплем: «Как? Ты еще не в костюме? Немедленно одевайся и иди в гостиную, Кока пришла!» — я медленно отрывал глаза от книги и покорно говорил:

— Уже бегу, только напиши записку.

— Какую? — настораживалась Николетта.

— Ну... обычную... «Ваня Подушкин не выполнил сегодня уроки, потому что дома были гости!»

Первое время, услышав такую просьбу, Николетта восклицала, выпихивая меня в коридор:

— Ну и ерунда! Конечно, напишу! Эка проблема.

Но я не ждал мгновенного успеха, был упорен, словно китаец, перебирающий рис, и в результате добился нужного эффекта. Через месяц после начала «акции» моя классная руководительница, заслуженная учительница РСФСР, дама, увенчанная за свои заслуги орденом, заявила на родительском собрании:

10 — К сожалению, в нашем классе не все благополучно. Ваня Подушкин, вероятно, останется на второй год. И мальчика нельзя обвинять, учиться ему мешает семья...

Гневные обличения полились на Николетту, на столе появились все написанные ею цидульки, родители с нескрываемым возмущением смотрели на маменьку. Николетте, красной от злости, пришлось оправдываться. В советские времена вечеринки считались делом несерьезным, почти порочным, а мать, разрешающая сыну не делать уроки, приравнивалась по статусу к запойным алкоголичкам.

После этого случая меня оставили в покое. Один раз папенька зашел в мою комнату и с тоской спросил:

— Ты, конечно, не выйдешь к гостям?

— Нет, — быстро ответил я, — завтра делаю доклад по истории.

Из груди отца вырвался тяжелый вздох, перешедший в стон, и он пробормотал:

— Может, взять на вооружение твой метод? Попросить Николетту писать записку в издательство? Дескать, товарищ Подушкин не сдаст рукопись, потому что вчера принимал гостей?

Я засмеялся, а отец ушел, мрачный, как ноябрьский вечер.

Став совсем взрослым, я постоянно отстаивал неприкосновенность своей комнаты, наверное, в этом и лежит основная причина моего холостячества. Ну какая женщина согласится входить на территорию мужа, предварительно постучав? Основопологающим аргументом в пользу работы секретарем у Норы для меня было ее желание, чтобы я обитал в одной квартире с хозяйкой. Именно поэтому я моментально подписал контракт. Существовать бок о бок с Николеттой просто невозможно. Маменька способна ворваться ко мне в любое время суток и начать скандал. Нора же, отпу-

стив секретаря отдыхать, никогда не вломится в его спальню. Если он вдруг понадобится хозяйке в неурочный час, последняя позвонит по телефону. Поэтому до прошлого вторника меня можно было назвать совершенно счастливым человеком: я имел интересную работу, умную начальницу, отдельную комнату, забитую любимыми книгами, энное количество свободного времени и достойную зарплату.

Но неделю тому назад мое размеренное существование подверглось кардинальному изменению. Норе сделали операцию, в результате которой она встала из инвалидного кресла. Чтобы вновь научиться ходить, моя хозяйка отправилась на три месяца в Швейцарию, в специализированную клинику. Тамошние врачи дали ей почти стопроцентную гарантию успеха, сказав:

— Вы непременно станете передвигаться самостоятельно, правда, вероятнее всего, опираясь на палку.

— Еще посмотрим, кому из нас понадобится трость! — бодро воскликнула Нора и отбыла на берег Женевского озера.

Но перед тем как войти в лайнер, Элеонора вызвала в квартиру строительную бригаду и дала указание: сделать ремонт, уничтожив в жилище все приспособления для инвалида. Она велела превратить очень широкие дверные проемы в нормальные, убрать специальные поручни из туалета и ванной, изменить письменный стол в кабинете, ну и так далее.

На мой взгляд, поведение Норы иначе как идиотским назвать нельзя. Да, после операции она встала на ноги, но это все. Хозяйка именно стоит, ни одного шага Нора пока самостоятельно сделать не способна, и неизвестно, сумеет ли она научиться ходить. Вполне вероятно, что ей вновь придется занять привычное место в инвалидной коляске, но я не мог привести эти аргументы хозяйке. Если Норе что-то взбрело в голову,

12 никакими бейсбольными битами сумасбродство оттуда не вышибешь.

Во вторник Нора покинула Россию. Домработница Ленка отправилась вместе с ней, а мне было велено следить за ремонтом. В принципе, ничего страшного не произошло, в бригаде есть прораб, правда, я еще не видел парня. Наша встреча назначена на сегодня, именно он займется всеми работами, мне предстоит лишь проверять счета, выбирать кафель, паркет, двери, штукатурку и прочее. Конечно, хлопотно, но терпимо. И пугают меня не поездки по стройдворам и рынкам, а то, что мне три месяца, весь срок, за который обещано изменить до неузнаваемости интерьер апартаментов, придется жить в родительской квартире, соседствуя с Николеттой. Собственно говоря, я уже здесь, перебрался в свою бывшую комнату и в данный момент пытаюсь встать со слишком узкой кровати. Встреча с прорабом по фамилии Бондаренко назначена в полдень, возле станции метро «Войковская».

Главное теперь — осторожно пробраться в ванную, быстро привести себя в порядок и выскочить из дома, прежде чем из спальни Николетты донесется раздраженный голосок:

— Ну и где мой кофе? Тася! Немедленно подогрей круассаны.

Достигнув двери «помывочной», я перевел дух, повернул ручку и вздрогнул: у зеркала в ярко-красном халате стояла маменька.

— Просто безобразие, — с чувством произнесла она, откладывая щетку для волос, — ужасно! Ты спишь, словно буйвол! Уже полдня прошло.

Я удивился, родительница никогда не выбирается из постели раньше полудня, а сейчас часы показывают десять утра.

— У тебя мигрень? — осведомился я.

Николетта испепелила меня взглядом.

— Чушь! Иди в столовую.

— Мне пора бежать, — возразил я.

— Куда? — сдвинула выщипанные брови Николетта.

— На работу.

— Ерунда! Нора в Швейцарии.

— Она затеяла ремонт, мне велено следить за ходом процесса. В двенадцать встречаюсь с прорабом.

— Перенеси свидание.

— Но почему? — стойко отбивался я.

Николетта бросила взгляд в зеркало, томно улыбнулась и торжественно произнесла:

— Скажи, Вава, что ты знаешь обо мне?

— Ну, многое.

— Нет, — с видом древнегреческой богини заявила маменька, — есть в нашей семье страшные тайны, скрытая ото всех информация. Даже Павел, с которым я промучилась столько лет, не владел ею. Теперь настало время прочесть вслух страницы истории. Пойдем, я введу тебя в курс дела! Час пробил!

Развернув плечи, горделиво выпрямив спину и высоко подняв голову, маменька выплыла из ванной. Я пошел за ней, немало заинтригованный сделанным заявлением. Николетта совершенно не умеет держать язык за зубами. Ее следовало принять на работу в какую-нибудь организацию, занимающуюся пиаром. Если сообщить маменьке некий факт, а потом предупредить: «Милая, умоляю, никому не рассказывай об услышанном», — можете быть уверены: сведения мигом разнесутся по Москве.

Не надо покупать журналистов, платить им за эфир, газетные статьи и радиосообщения. Николетта в одиночку справится с делом. Что же это за тайна такая, о которой она никому не проболталась?

— Моя семья была очень знатной, — завела маменька, опускаясь в изящное кресло, — в нашем роду

14 имелся французский граф, который женился на юной дочери богатого торговца зерном. Мезальянс, конечно, жена не подходила ему, не имела благородного происхождения...

Я кивнул. Действительно, француз присутствовал, и именно от него, простого солдата армии Наполеона, маменьке досталась необычная для русского слуха фамилия — Адилье. Но, собственно говоря, это вся правда. Никаких благородных корней парень не имел, его происхождение скрывает плотный туман.

Мой отец, прозаик Павел Подушкин, автор популярных исторических романов, к работе относился серьезно. Прежде чем начать писать очередную книгу, он просиживал в архивах, изучая эпоху, в которую намеревался поселить героев. В свое время отец, слегка уставший от скандалов Николетты на тему: «Тяжело женщине благородного происхождения соседствовать с хамом», решил слегка уговорить супругу и составил ее родословную. Тут-то и выяснилась правда.

Солдат Адилье был среди тех воинов, которых Наполеон бросил на взятие Москвы. Помните, чем кончилась затея? Великого француза вместе с остатками его армии погнали назад по разоренной Смоленской дороге. Мороз в тот год, по свидетельству историков, стоял страшный. Пехота Наполеона попросту замерзла. Солдатик Адилье свалился у околицы одной из деревенок, он явно приготовился умирать. И тут его пожалела простая русская баба. Вскоре по селу забегали черноволосые, шуплые, носатые дети. Вот так и появился на Руси род Адилье. Интеллигентов в нем днем с огнем было не сыскать. Лишь отец Николетты, никогда не виденный мною дед, сумел получить образование и перебраться в 1902 году в Москву. После большевистского переворота он сделал карьеру партийного работника, ухитрился не попасть в сталинские лагеря и погиб при взятии Берлина. Мать Николетты умерла,

мою маменьку воспитывала дальняя родственница. Впрочем, подробностей я не знаю. Николетта, рассказывая о своем детстве и отрочестве, всегда путается в деталях. То она повествует о своей жизни в огромной квартире, набитой антиквариатом, то вдруг ненароком бросает фразу:

— Тетка всегда злилась, если я тратила всю воду из душа, ей потом приходилось идти к колодцу.

Короче говоря, правды о юности маменьки я не знаю. Достоверно сообщить могу лишь одно: она была очень красива и сумела выйти замуж за моего отца, который к моменту свадьбы уже стал подающим надежды писателем.

— Вот смотри, — журчала тем временем Николетта, выкладывая на стол огромный альбом с фотографиями.

Я вздрогнул. Нет, только не это. Попался, словно глупый карась, на крючок! Какие тайны! Сейчас начнется демонстрация снимков. Николетта имеет жуткую привычку заставлять людей любоваться своими изображениями, сопровождая просмотр комментариями, типа:

— В меня были влюблены все великие! Писатель N, актер С, композитор К и даже сам P! Вот! А это платье...

И понеслось... Впрочем, слушать в первый раз истории было интересно, во второй — забавно, в третий — утомительно, ну а в четвертый, десятый, сотый — просто невозможно. К тому же маменька энергетический вампир: посидев около нее более пятнадцати минут, я ощущаю резкий упадок сил, головокружение и полнейший дискомфорт.

— Извини, Николетта, — резко сказал я, — меня ждет прораб. Неудобно опаздывать.

— Сообщи ему, что придешь позднее, — рявкнула маменька, — говорю же: дело чрезвычайной важности!